

ГОЛОД ЗА ГРАНЬЮ КОРОЛЬ ПРОКЛЯТЫХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ульяна Соболева

18+

Ульяна Соболева

Узница Короля Проклятых

«Автор»

2026

Соболева У.

Узница Короля Проклятых / У. Соболева — «Автор», 2026

Амон Моннери - Король Проклятых. Вампир. Первородный. Ему более 800 лет, у него нет сердца в прямом смысле этого слова, он жестокий садист, психопат и хищник. Женщины для него игрушки и еда. Он пожирает их тела, души, эмоции. Но однажды придет ОНА и его голод сожрет их обоих. Она медсестра, сердобольная, нежная, хрупкая. Ей срочно нужны деньги - мать умирает...Странное предложение о работе дает ей надежду. Она не представляет, что ее выбрали как бабочку для жуткого монстра. Сможет ли невинная, хрупкая медсестра Мария вернуть сердце чудовища...Голод и жаждаЖестокий вампир психопатГотика

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ульяна Соболева

Узница Короля Проклятых

Глава

Узница короля проклятых
Ульяна Соболева

Аннотация:

Амон Моннери - Король Проклятых. Вампир. Первородный. Ему более 800 лет, у него нет сердца в прямом смысле этого слова, он жестокий садист, психопат и хищник. Женщины для него игрушки и еда. Он пожирает их тела, души, эмоции. Но однажды придет ОНА и его голод сожрет их обоих.

Она медсестра, сердобольная, нежная, хрупкая. Ей срочно нужны деньги - мать умирает...Странное предложение о работе дает ей надежду. Она не представляет, что ее выбрали как бабочку для жуткого монстра.

Сможет ли невинная, хрупкая медсестра Мария вернуть сердце чудовища...

Глава 1

“Знаете, в чём главная трагедия самоотверженности?

В том, что однажды ты просыпаешься и понимаешь — внутри больше ничего не осталось.

Ни для других, ни для себя.”

Рука соскользнула с кровати, пальцы нащупали пульс на тонком запястье. Слабый. Слишком слабый. Мерное тиканье напольных часов отсчитывало секунды жизни, которые я пыталась удержать за хрупкие ниточки своего долга.

Мать спала. Её дыхание — рваное, поверхностное — заставляло меня вздрагивать каждый раз, когда между вдохами возникала пауза дольше обычного. Я замирала, не дыша сама, и снова запускала сердце, только услышав свистящий звук втянутого ею воздуха.

Так мы дышали вместе — она и я. Чужими лёгкими. Чужой жизнью.

Тяжёлые шторы пропускали размытый свет уличных фонарей, разбавляя густую темноту комнаты. На тумбочке стояли пластиковые баночки — разноцветные солдатики моего ежедневного боя со смертью. Пустые. Почти все.

Я посмотрела на часы. 3:17. До смены в больнице оставалось меньше четырёх часов. Нужно было хотя бы немного поспать, но сон не шёл.

Деньги. Деньги. Деньги. Эта мысль выжигала мозг, пульсировала в висках, не давала дышать. Неоплаченные счета стопкой лежали на кухонном столе. Их я тоже чувствовала — физически — будто бумага весила тонны.

Квартира. Квартира, в которой я не могла себе позволить даже включить отопление на полную мощность. Мы с матерью спали в одной комнате — так было теплее. И дешевле.

Я откинулась на спинку стула, чувствуя, как ноет спина. Вот уже два года я не знаю, что такое выспаться. Просто не могу себе этого позволить. Ни выспаться, ни купить новую одежду, ни сходить в кино, ни поговорить с кем-то о чём-то, кроме анализов, лекарств и прогнозов.

Я потёрла глаза. Они болели. В последнее время всё болело — глаза, спина, голова. Внутри. Снаружи. Будто моё тело медленно сдавалось, признавая поражение в этой бесконечной борьбе.

В больнице дела шли не лучше. «Слишком мягкая» — так говорила старшая медсестра. «Слишком мягкая для этой работы». Будто сострадание — недостаток. Будто умение плакать над чужой болью — профессиональная непригодность.

Я откинула прядь волос с лица. Когда я последний раз стриглась? Красилась? Смотрела в зеркало не для того, чтобы проверить, насколько заметны синяки под глазами?

Вздыхнув, я взяла потрёпанный блокнот — мой ежедневник, расписание лекарств, счётная книга — всё в одном. Открыла его, пролистала страницы с записями о дозировках, времени приёма, побочными эффектами.

Строчки плыли перед глазами, сливаясь в однородную массу бесконечных обязательств.

Видите ли, есть определённая ирония в том, что, спасая других, ты медленно убиваешь себя. Но выбора у меня не было. Никогда не было.

Мама негромко застонала во сне. Я тут же подскочила, поправила подушку, проверила капельницу.

— Всё хорошо, мам. Всё хорошо, — прошептала я, зная, что она не слышит.

Кому я на самом деле это говорила? Себе?

Когда в жизни нет ничего хорошего, эти слова становятся мантрой. Защитным заклинанием. Ложью, в которую отчаянно хочешь верить.

Утро началось с протечки на кухне. Старые трубы не выдержали ночных заморозков, и теперь тонкая струйка воды размеренно капала в подставленный тазик. Звук — монотонный, как метроном — отсчитывал минуты моего паршивого утра.

— Блядь, — я редко ругалась вслух, но сегодня был тот случай, когда сдержаться не получалось.

Сантехник будет стоить денег. Денег, которых нет.

Я машинально открыла холодильник. Полпакета молока. Полбатона. Плавленый сырок неизвестной давности. Продукты, как и моя жизнь, существовали в режиме «полу-».

Поставив чайник, я вернулась в комнату, чтобы дать матери утренние лекарства. Её глаза — мутные, будто затянутые плёнкой — медленно открылись, когда я присела на край кровати.

— Доброе утро, — произнесла я с фальшивой бодростью. — Как ты себя чувствуешь сегодня?

Она посмотрела на меня так, будто пыталась вспомнить, кто я. Эти моменты душили меня изнутри — моменты, когда мать не узнавала собственную дочь.

— Холодно, — наконец прошептала она.

Я натянула одеяло выше.

— Скоро будет теплее. Обещаю.

Ещё одна ложь для коллекции. Теплее не будет. Ни сегодня, ни завтра.

Мать сделала глоток воды, с трудом проглотила таблетки. Её пальцы — иссохшие, с синими прожилками вен — судорожно сжали мою руку.

— Ты хорошая дочь, Мария, — выдохнула она.

Меня затрясло изнутри. Это была первая осмысленная фраза за последние три дня. Проблеск сознания посреди моря забвения.

— Отдыхай, мам, — я осторожно освободила руку. — Я приготовлю завтрак.

В коридоре я прислонилась к стене, пытаюсь дышать сквозь спазм, сжавший горло. Знаете, что самое страшное в медленном умирании близкого человека? Не боль, не страх, не усталость. А эти короткие моменты просветления, которые дарят надежду — ложную, жестокую, разрывающую на части.

Звук кипящего чайника вернул меня к реальности.

Я механически намазала масло на хлеб, отпила безвкусный чай. Сил не было даже на то, чтобы прожевать этот жалкий завтрак. Внутри растекалась знакомая пустота — та, что приходит, когда понимаешь: сегодня будет точно таким же, как вчера. И завтра. И послезавтра.

Телефон пискнул. Сообщение от Анны Павловны, старшей медсестры.

«Зайди перед сменой в мой кабинет».

Я закрыла глаза. Сглотнула. Предчувствие беды скрутило желудок в тугой узел.

Больница встретила меня привычным запахом — смесью антисептика, старых простыней и безнадежности. Запахом, который въелся в кожу, в волосы, в подкорку мозга.

Детское отделение, где я работала, располагалось на третьем этаже. Яркие рисунки на стенах не могли скрыть того, что скрывалось за дверями палат — боль, страх, борьбу маленьких тел с большими болезнями.

Кабинет Анны Павловны находился в конце коридора. Я шла медленно, оттягивая момент. Уже знала, что услышу. Уже чувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Входи, — раздалось в ответ на мой стук.

Анна Павловна — грузная женщина с крашеными рыжими волосами и вечно поджатыми губами — сидела за столом, перебирая бумаги. Взгляд — цепкий, оценивающий — прошёлся по моему лицу, задержался на мешках под глазами.

— Присаживайся, Мария.

Я опустила на стул, чувствуя, как сердце колотится о рёбра.

— Случилось что-то, Анна Павловна?

Она сложила руки на столе. Длинные накрашенные ногти — ярко-красные, как сгустки свежей крови — постукивали по столешнице.

— Ты знаешь, почему я тебя вызвала, — это был не вопрос.

Я промолчала. В горле пересохло.

— Вчерашний инцидент с Мишей Корниловым, — продолжила она. — Родители подали жалобу.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Я просто...

— Ты расплакалась при ребёнке, — отрезала она. — Ты напугала его и его родителей. Мы медики, Маша. Мы не имеем права на публичные эмоции.

Я опустила глаза. Перед внутренним взором снова встало лицо шестилетнего Миши — осунувшееся, с запавшими глазами. Его тоненькие ручки, исколотые от капельниц. Его вопрос: «Я умру, как Костя?» И моя реакция — слёзы, которые я не смогла сдержать.

— Мне очень жаль, — выдавила я. — Это больше не повторится.

Анна Павловна вздохнула. В этом вздохе было столько усталого превосходства, что меня затошнило.

— Конечно, не повторится, — она протянула мне лист бумаги. — Потому что ты уволишься. По собственному желанию.

Время остановилось. Я смотрела на бланк заявления, но буквы расплывались перед глазами.

— Анна Павловна, пожалуйста, — мой голос дрогнул. — Мне очень нужна эта работа. Моя мать...

— Я знаю про твою ситуацию, — она смягчилась, но лишь на мгновение. — Но это не имеет отношения к работе. Ты слишком мягкая, Маша. Это не профессионально.

Слишком мягкая. Эти слова ударили под дых, выбивая последний воздух из лёгких.

— Когда ты последний раз спала? — неожиданно спросила она.

Я моргнула.

— Я... нормально сплю.

— Не лги мне. Ты выглядишь как труп. Круги под глазами, дрожащие руки. В таком состоянии ты не можешь работать с детьми.

Мир вокруг поплыл. Этого не может быть. Не сейчас. Только не сейчас. Без этой работы я не смогу платить за лекарства. За квартиру. За еду.

— Пожалуйста, — прошептала я. — Дайте мне ещё один шанс.

Анна Павловна покачала головой.

— Решение принято. Подпиши заявление.

Меня выворачивало изнутри. Каждая клетка тела кричала, протестовала, умоляла. Но снаружи я оставалась тихой. Послушной. Сломленной.

Я взяла ручку. Подписала бумагу. Движение руки — простое, механическое — перечеркнуло мою жизнь одним росчерком.

— Сегодня последний день, — сказала Анна Павловна, забирая заявление. — Сдашь смену и карточки пациентов Светлане.

Я кивнула. Говорить не могла — горло сжалось до размера игольного ушка.

— И ещё, Маша, — она посмотрела на меня почти с жалостью. — Позаботься о себе. По-настоящему. Иначе ты не сможешь заботиться ни о ком другом.

Я вышла из кабинета, чувствуя себя пустой оболочкой. Двигалась на автомате, не видя людей вокруг, не слыша звуков. В ушах стоял белый шум — как помехи старого телевизора.

Знаете, бывают моменты, когда отчаяние настолько глубоко, что становится почти спокойствием. Я достигла этой точки. Точки, за которой уже ничего не страшно. Потому что хуже быть просто не может.

Как же я ошибалась.

Последняя смена прошла как в тумане. Я раздавала лекарства, мерила температуру, меняла капельницы. И всё время чувствовала на себе взгляды — сочувствующие, любопытные, равнодушные. Новости в больнице разлетаются быстрее вируса.

Дети спрашивали, почему я ухожу. Я врала, что нашла другую работу. Лучше. Удобнее. Врала с улыбкой, от которой сводило челюсть.

В конце смены ко мне подошла Светлана — молодая медсестра, которая должна была меня заменить. Протянула маленький конверт.

— Мы все скинулись, — сказала она тихо. — Немного, но...

Я замотала головой.

— Не надо. Я не могу...

— Бери, Маш, — она сунула конверт в карман моего халата. — Не гордись. Не тот случай.

Моя гордость умерла давно — в тот день, когда я впервые просрочила оплату за квартиру. Но что-то внутри всё ещё сопротивлялось, не позволяя опуститься на самое дно.

Я переоделась в раздевалке. Вытащила из шкафчика личные вещи — кружку, зубную щётку, запасной свитер. Жалкий скерб человека, чья жизнь проходит на работе.

Конверт жёг карман. Я не стала считать — знала, что там немного. Хватит на неделю, может, две. А дальше что?

Выходя из больницы, я в последний раз обернулась. Это место, при всей его безысходности, было моим якорем. Последней соломинкой, за которую я держалась. Теперь её не стало.

На улице шёл дождь — холодный, колючий, пробирающий до костей. Я не раскрыла зонт. Пусть. Пусть хоть что-то смоем эту пустоту внутри.

Я шла домой, чувствуя, как вода стекает за воротник, пропитывает одежду, волосы, кожу. Превращает меня в часть этого серого, промозглого мира.

Мысли крутились вокруг одного: что теперь? Как я буду платить за лекарства? За еду? За коммунальные услуги? Как скажу матери, что потеряла работу?

Телефон в кармане завибрировал. Я достала его, с трудом различая экран сквозь капли дождя. Новое сообщение от неизвестного номера.

«Нужна сиделка? Высокая оплата. Проживание. Полный пансион».

Я остановилась посреди улицы. Перечитала сообщение. Потом ещё раз.

Спам. Конечно, это спам. Или мошенники. Никто не предлагает такое незнакомым людям.

Я убрала телефон и пошла дальше. Но мысль уже зацепилась, не отпускала. А что, если...? Что, если это реальное предложение? Что, если это мой последний шанс?

Я достала телефон снова. Смотрела на сообщение, будто оно могло изменить свой смысл от моего пристального взгляда.

Ломило виски. Желудок скручивало от голода — я не ела с утра. Ноги гудели от усталости. А впереди ждал дом с умирающей матерью, пустым холодильником и неоплаченными счетами.

Я нажала «ответить».

«Интересует. Какие условия?»

Ответ пришёл мгновенно, будто кто-то ждал на том конце с готовым текстом.

«Зайдите на форум “Патронаж”. Раздел “Вакансии”. Пост от сегодняшнего числа».

Я знала этот форум — старый, малопосещаемый сайт для медсестёр и сиделок. Иногда там появлялись предложения о подработке, но в основном это была площадка для обмена опытом и жалоб на низкие зарплаты.

Ещё одно сообщение:

«Торопитесь. Вакансия только сегодня».

Что-то в этой фразе заставило меня поёжиться. Или это был просто холодный дождь, пробравший до костей?

Я ускорила шаг. Внутри разливалось странное чувство — смесь надежды и тревоги. Будто я стояла на краю обрыва, готовясь сделать шаг в пустоту.

Знаете, говорят, что отчаяние — плохой советчик. Но иногда это единственный советчик, который у тебя есть.

Я не знала тогда, что скоро встречу его — существо без сердца, без души, без жалости. Что он проникнет в мои сны, в мои мысли, в моё тело. Что его голос станет моим наваждением, его прикосновения — моим проклятием.

Я не знала, что иду напрямиком в ловушку, расставленную существом, питающимся чужой болью.

Дождь усилился, превращаясь в ледяной ливень. Небо потемнело, будто сама природа пыталась предупредить меня: остановись, не иди туда, не отвечай на это сообщение.

Но я шла. Потому что выбора у меня не было. Никогда не было.

Глава 2

"Самый страшный голод — не тот, что сжимает желудок, а тот, что выедаёт душу изнутри. Он никогда не насыщается. Он всегда требует большего."

Амон

Восемьсот тридцать четыре года. Именно столько я существую в этом мире, балансируя на грани между бытием и небытием. Не живу — существую. Это разные вещи, поверьте мне. За столько времени начинаешь различать оттенки бесконечности.

Я смотрел на город сверху — маленький, жалкий муравейник, светящийся огнями в ночи. С высоты моей башни люди казались незначительными точками, мечущимися в своих повседневных заботах.

Пальцы сжали холодное стекло бокала. Бордовая жидкость блеснула в свете канделябров. Не вино — слишком густое для вина. Слишком драгоценное.

Я прикрыл глаза, вдыхая тонкий аромат. Страх. Наслаждение. Боль. Отчаяние. Эта девушка — как её звали? Кристина? Кларисса? — была особенной. Её душа до последнего сопротивлялась, не желая покидать тело, даже когда оно уже остыло в моих руках.

Такие души — редкость. Большинство сдаются слишком быстро. Большинство не знают, что значит по-настоящему цепляться за жизнь.

— Господин, — тихий голос Гертруды прервал мои размышления. — Всё готово.

Я не повернулся. Знал, что она стоит в дверях — старая, слепая, но видящая больше, чем любой зрячий. Моя экономка. Моя совесть. Моё наказание.

— Она согласилась? — спросил я, делая маленький глоток. Жидкость обожгла горло, разливаясь тягучим теплом по венам.

— Да, господин. Уже просматривает объявление на форуме.

Я улыбнулся, чувствуя, как что-то внутри — то, что осталось от моего сердца — сжимается в предвкушении. Мария. Её имя звучало как музыка на моём языке.

— Хорошо. Пусть Елена встретит её в офисе. Ты знаешь, что делать.

Гертруда замешкалась. Я чувствовал её напряжение даже на расстоянии.

— Господин, — её голос дрогнул, — эта девушка... в ней что-то особенное. Я видела её во сне.

Мышцы моего лица напряглись.

— Не твоё дело предсказывать мне будущее, Гертруда.

— Я не предсказываю, — она подняла голову, и белёсые глаза уставились на меня с пугающей точностью. — Я предупреждаю. Эта девушка может стать вашей погибелью.

Я резко развернулся. Осколки бокала впились в ладонь, когда стекло разлетелось от моей хватки. Кровь — густая, тёмная, почти чёрная — медленно стекала по пальцам, капая на мраморный пол.

— Моей погибелью может стать только мой создатель, — процедил я. — И никто больше.

Гертруда склонила голову, но не отступила.

— Как скажете, господин.

Я отвернулся к окну, позволяя ей удалиться. Порезы на ладони уже затягивались — кожа сросталась на глазах, не оставляя ни шрамов, ни рубцов. Мгновенная регенерация — один из даров моего проклятия.

Но боль осталась. Боль всегда остаётся.

Дом вокруг меня вздохнул. Я чувствовал его — живое существо из камня и дерева, пропитанное кровью сотен жертв. Мой дом. Моё продолжение. Стены содрогались в предвкушении, подобно моему собственному телу.

Что-то изменилось. Что-то нарушило привычный ход вечности. Воздух пах иначе. Темнота звучала иначе.

Я подошёл к старинному секретеру, выдвинул ящик. Маленький флакон из тёмного стекла лежал на бархатной подушечке. Внутри — единственная капля прозрачной жидкости. Слеза. Её слеза.

Обычно я собирал их после того, как девушки оказывались в моём доме. После того, как ломал их, доводил до отчаяния, до грани безумия. Но с ней всё было иначе.

Я увидел её во сне — удивительно, учитывая, что я почти не сплю. Молодая женщина, склонившаяся над постелью умирающей матери. Её голубые глаза — чистые, как горные озёра. Её душа — настолько яркая, что она просвечивала сквозь кожу. И тогда я понял, что должен её получить.

Найти её оказалось просто. Барьеры между мирами для таких, как я, почти не существуют. Я проник в её сон, пробовал на вкус её страхи, её желания, её надежды. И взял каплю её сущности — слезу, пролитую не от страха, а от невыносимой любви.

Это было три месяца назад. С тех пор я наблюдал за ней — незримо, на расстоянии. Ждал момента, когда она будет наиболее уязвима. Когда сама шагнёт в мою ловушку.

И вот этот момент настал.

Я вернул флакон на место, закрыл ящик. Внутри нарастало знакомое чувство — Голод. Не тот примитивный голод, что знаком смертным. А то, что гораздо глубже. Темнее. Неутолимее.

Голод по душе, по сути, по самой искре жизни. По тому, что было украдено у меня восемь веков назад.

Видите ли, за всё приходится платить. За бессмертие — особенно. Мою душу разорвали на части, а сердце я отдал сам. Добровольно. И теперь внутри меня — пустота. Чёрная дыра, поглощающая всё, до чего может дотянуться.

Но ни одна жертва не могла заполнить эту пустоту. Ни одна капля крови, ни один крик, ни один оргазм, сплетённый со смертью. Всегда оставалось это тянущее чувство неудовлетворённости. Эта блядская жажда большего.

Возможно, с ней будет иначе. С этой девушкой с голубыми глазами и стальным стержнем внутри.

Я расправил плечи, чувствуя, как дом вибрирует в такт моим мыслям. Волна энергии прошла по комнате, заставляя свечи мерцать. Я улыбнулся.

Пора устроить тебе тёплый приём, Мария.

Мария

Дома меня встретила привычная тишина, нарушаемая лишь хриплым дыханием матери. Я сбросила промокшую куртку, разулась и первым делом пошла проверить её.

Мать спала. Лицо спокойное, почти умиротворённое. Это был хороший знак — значит, боль отступила ненадолго. Я поправила одеяло, проверила капельницу.

Прикрыв дверь, я прошла на кухню. Достала телефон. Открыла браузер.

Форум "Патронаж" выглядел так же уныло, как и всегда — устаревший дизайн, мелкий шрифт, неудобная навигация. Я быстро нашла раздел "Вакансии" и замерла, увидев пост от сегодняшнего числа.

"Обслуживающий персонал. Проживание, питание, конфиденциальность. Женщины до 25. Оплата — выше рыночной. Особые требования: отсутствие семейных связей, готовность к длительной изоляции, умение хранить тайны. Строгий отбор. Для заинтересованных — нажмите кнопку 'Согласна' ниже."

Что-то внутри меня сжалось. Звучало... странно. Слишком странно. Длительная изоляция? Умение хранить тайны? Больше похоже на вербовку в секту, чем на предложение работы.

Но внизу была указана сумма. Сумма, от которой у меня закружилась голова. Таких денег я не видела никогда. Даже за полгода в больнице я получала в десять раз меньше.

Это не могло быть правдой. Такие деньги не платят обслуживающему персоналу. Никогда. Ни при каких условиях.

Я провела рукой по лицу, чувствуя, как дрожат пальцы. Усталость, голод и отчаяние затуманивали разум, мешая мыслить здраво.

Я вышла в коридор, заглянула в комнату матери. Она всё ещё спала. На тумбочке — почти пустые баночки с лекарствами. На стуле — неоплаченные счета за коммунальные услуги. На подоконнике — телефон с уведомлением о недостаточном балансе.

В голове звучал голос Анны Павловны: "Позаботься о себе. По-настоящему."

Я вернулась на кухню. Снова посмотрела на объявление.

Палец завис над кнопкой "Согласна". Здравый смысл кричал: остановись! Это ловушка! Никто не платит такие деньги просто так! Но отчаяние шептало: а что тебе терять? Что у тебя осталось?

Знаете, самое страшное в безвыходной ситуации — это не сам тупик, а момент, когда ты понимаешь: выход есть, но он ведёт в бездну. И ты всё равно делаешь этот шаг, потому что стоять на месте невыносимо.

Я нажала кнопку.

Экран мигнул. Появилась новая надпись:

"Благодарим за заявку. Ждём Вас завтра в 10:00 по адресу: улица Каменная, 13, офис 666. С собой иметь паспорт и медицинскую книжку. Телефон и другие средства связи не требуются."

Я записала адрес, испытывая странную смесь облегчения и тревоги. Сомнения никуда не делись, но их заглушало осознание того, что у меня появился хоть какой-то шанс.

Остаток вечера я провела, ухаживая за матерью, готовя скудный ужин из того, что осталось в холодильнике, и думая о завтрашнем дне. О том, как объясню ей свой возможный отъезд. О том, кого попрошу присмотреть за ней, если меня примут на эту загадочную работу.

Но внутри зародилось странное чувство — будто меня уже приняли. Будто моё согласие было лишь формальностью. Будто кто-то уже решил мою судьбу, а я просто плыву по течению, которое несёт меня к неизбежному финалу.

Я отмахнулась от этих мыслей. Слишком много фантазий. Слишком мало сна. Именно так мой истощённый мозг реагировал на стресс.

Ночь выдалась тяжёлой. Мать несколько раз просыпалась от боли, и я давала ей обезболивающее, меняла положение тела, протирала сухую кожу влажной салфеткой.

Когда она наконец успокоилась, было уже далеко за полночь. Я опустилась на стул у её кровати, не в силах добраться до своей постели. Глаза слипались, но сон не шёл.

Слишком много мыслей. Слишком много страхов.

Что если это действительно какая-то секта? Или, ещё хуже, торговцы людьми? Что если я больше никогда не вернусь домой? Кто позаботится о маме?

Но даже эти страхи не могли перевесить единственный вопрос: что, если я откажусь от этого шанса, и завтра нам будет нечего есть?

Наконец, усталость взяла своё. Я провалилась в тяжёлый, мутный сон.

И тогда он пришёл.

Сначала я почувствовала изменение в воздухе — он стал гуще, тяжелее, будто насыщенный электричеством перед грозой. Звуки исчезли — ни тиканья часов, ни шума дождя за окном, ни дыхания матери. Комната вдруг словно оказалась вне времени и пространства.

А потом появился он — сначала как тень в углу комнаты, потом всё отчётливее, материальнее, как если бы сама темнота обрела форму.

Высокий, стройный, с длинными чёрными волосами, струящимися по плечам, обрамляющими лицо такой невероятной красоты, что у меня перехватило дыхание. Бледная фарфоровая кожа, скулы, словно вырезанные скульптором из мрамора, чувственные губы, изогнутые в полуулыбке. Но глаза... эти глаза цвета жидкого серебра, холодные и одновременно обжигающие, смотрели сквозь меня, проникая в самые потаённые уголки сознания. В них светился металлический блеск, от которого по телу пробежал озноб.

Он не шёл — он будто перетекал из одной точки пространства в другую, нарушая все законы физики. И когда заговорил, его голос был не звуком — ощущением, вибрацией, проникающей через кожу прямо в кровь, резонирующей с каждой клеткой тела.

— Мария, — произнёс он, и моё имя в его устах прозвучало как древнее заклинание, пробуждающее что-то глубинное, первобытное внутри меня.

Я хотела закричать, но горло перехватило. Хотела бежать, но тело отказывалось подчиняться. Всё, что я могла — смотреть, впитывать, растворяться в его присутствии.

— Кто ты? — наконец выдавила я, чувствуя, как пересыхают губы.

Он улыбнулся, и эта улыбка была соблазном и угрозой одновременно.

— Разве это важно? — он сделал шаг ближе, и я почувствовала волну жара, исходящую от его тела, контрастирующую с ледяным блеском его глаз. — Важно то, что я могу дать тебе.

— Что? — мой голос звучал странно, будто не принадлежал мне.

— Всё, — он сделал ещё шаг. Теперь он стоял так близко, что я могла различить аромат, исходящий от него — тёмный, терпкий, древний, как засохшая кровь и мускус. — Всё, что ты захочешь. Всё, что тебе нужно.

Его рука поднялась, но не коснулась меня. Остановилась в миллиметре от щеки. И я почувствовала это — прикосновение без прикосновения. Невидимые пальцы медленно очертили контур моего лица, спустились по шее, задержавшись на пульсирующей венке.

Моё тело предательски отзывалось — кожа покрылась мурашками, соски напряглись под тонкой тканью ночной рубашки, между ног разлился жар, от которого внутренние мышцы сжались в сладкой судороге. Сердце билось где-то в горле, дыхание становилось рваным и поверхностным.

— Что ты делаешь со мной? — прошептала я, ощущая, как каждый нерв в теле натягивается струной, готовый вот-вот зазвенеть от напряжения.

— Показываю, что тебя ждёт, — его голос стал ниже, интимнее, вибрируя где-то глубоко внутри меня. — Если ты придёшь ко мне.

Невидимые прикосновения усилились. Фантомные пальцы скользнули по ключицам, спустились к груди, обвели контуры сосков, слегка сжали их. Я выгнулась навстречу этой ласке, не в силах контролировать реакцию тела. Другая невидимая рука прошла по позвоночнику, опустилась к пояснице, скользнула ниже, огладила ягодицы.

Он наблюдал за моей реакцией, серебряные глаза горели, отражая мои собственные ощущения. Не отрывая взгляда, он продолжал свою пытку наслаждением. Я чувствовала, как невидимые губы касаются шеи, спускаются к ключицам, оставляют влажный след между грудей. Его дыхание — холодное, как зимний ветер — обжигало разгорячённую кожу.

Невидимые пальцы раздвинули мои бёдра, нашли самую чувствительную точку, начали массировать её — медленно, ритмично, неумолимо. Одновременно я чувствовала, как что-то проникает внутрь меня — сначала один палец, потом два, медленно двигаясь, растягивая, заполняя.

— Перестань, — выдохнула я, но вместо протеста это прозвучало как мольба о продолжении. Предательское тело двигалось навстречу фантомным ласкам, требуя большего.

Он наклонился ближе, холодные губы почти коснулись моего уха, но не соприкоснулись с кожей.

— Ты уверена, что хочешь, чтобы я остановился? — в его голосе звучала насмешка и знание моей слабости.

Я закрыла глаза, сдаваясь. Пальцы внутри меня увеличили темп, большой палец кружил вокруг клитора, создавая невыносимое напряжение. Волны наслаждения нарастали, становясь всё сильнее, всё ярче. Тело горело, плавилось, растворялось под натиском его невидимых прикосновений.

— Кто ты? — снова спросила я, чувствуя, как подступает что-то огромное, неотвратимое.

— Тот, кто будет владеть твоей душой, — прошептал он, и невидимые пальцы вдруг вошли глубже, нашли ту точку внутри, от прикосновения к которой всё внутри взорвалось.

Оргазм был настолько сильным, что из глаз брызнули слёзы. Тело выгнулось дугой, каждая мышца напряглась в мучительном экстазе. Внутренние стенки сжимались вокруг фантомных пальцев, волна за волной наслаждения прокатывались по телу, от макушки до кончиков пальцев ног. Я не могла кричать — голос застыл в горле. Не могла дышать — лёгкие сжались в спазме.

В момент высшего наслаждения я увидела его настоящего — за идеальным лицом проступило что-то древнее, жуткое, нечеловеческое. Серебряные глаза вдруг стали чернее ночи, в них мелькнули красные искры. Черты лица заострились, губы растянулись, обнажая удлинившиеся клыки. Это длилось лишь мгновение, но оно отпечаталось в сознании, как клеймо.

Когда последние отголоски оргазма утихли, он наклонился и собрал одну из моих слёз кончиком пальца. Поднёс к губам. Вдохнул, словно аромат изысканного вина. А потом медленно, чувственно слизнул её, не отрывая от меня взгляда, снова ставшего серебряным, но теперь с оттенком насыщенности, как будто моя слеза придала ему сил.

— Теперь ты моя, — произнёс он, и весь мир вокруг рассыпался.

Я проснулась, задыхаясь. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Между ног пульсировало от пережитого во сне наслаждения.

Комната была пуста. Мать мирно спала на своей кровати. За окном занимался серый рассвет.

Просто сон. Слишком яркий, слишком реальный, но всё же сон.

Я провела руками по лицу, чувствуя влагу на щеках. Слёзы? Я плакала во сне?

Меня била дрожь — не от страха, а от чего-то более глубокого, первобытного. От осознания того, что моё тело только что испытало невероятное удовольствие от прикосновений существа, которого не существует.

Я встала, пошатываясь. В ванной умылась холодной водой, пытаюсь смыть ощущение его присутствия. Но оно оставалось — как тонкий слой пыли на коже, как привкус меди на языке.

Глядя в зеркало, я не узнавала себя. Зрачки расширены, щёки горят лихорадочным румянцем, губы припухли, будто от поцелуев. Я выглядела... использованной. Осквернённой.

Тело ныло сладкой болью, которая обычно остаётся после страстной ночи с любовником. Но у меня не было любовника. Не было никого уже очень давно.

Что со мной происходит? Неужели усталость и стресс наконец довели меня до галлюцинаций?

Я вернулась в комнату, механически переоделась, поставила чайник. Часы показывали 6:30. До встречи в странном офисе оставалось ещё несколько часов.

Внутри нарастало беспокойство. Что-то настойчиво шептало: не ходи. Отмени. Забудь. Что-то внутри знало — это ловушка. Я шагаю прямо в пасть хищника.

Но какой у меня был выбор? Вернуться к поиску работы, которой нет? Смотреть, как мать медленно умирает, потому что я не могу позволить себе нормальное лечение? Сидеть в холодной квартире и ждать, пока нас выселят за неуплату?

Нет. Если это ловушка — пусть будет ловушка. Если за эти деньги придётся продать душу — я продам её. Мне нечего терять. Кроме страха и отчаяния.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Всё будет хорошо. Это просто работа. Странная, необычная, возможно, не совсем законная — но работа. Я справлюсь. Я всегда справлялась.

Золотые глаза из сна вспыхнули в памяти. Голос, от которого до сих пор дрожало всё внутри. Прикосновения, которых не было.

"Теперь ты моя."

Я тряхнула головой, отгоняя наваждение. Просто кошмар. Ничего больше.

Но где-то глубоко внутри я знала: он уже нашёл меня. И что бы я ни решила сейчас, куда бы ни пошла — от судьбы не уйти.

Я собрала документы, оставила матери записку с объяснениями, что пошла на собеседование. Позвонила соседке — пожилой женщине, которая иногда помогала мне с уходом — и попросила заглянуть днём, проверить, всё ли в порядке.

Выходя из квартиры, я не могла отделаться от ощущения, что переступаю невидимую черту. Что возврата уже не будет.

Дождь закончился, но воздух всё ещё был влажным, тяжёлым от испарений. Лужи на асфальте отражали серое небо, как кривые зеркала.

Я шла по пустынным утренним улицам, вслушиваясь в эхо собственных шагов. Город просыпался медленно, неохотно, словно преодолевая похмелье после долгой ночи.

Улица Каменная находилась в старой части города — там, где дома ещё помнили прошлый век, а узкие улочки петляли, не подчиняясь современной логике градостроительства.

Дом номер 13 выделялся даже на фоне других старинных зданий. Высокий, тёмный, с узкими окнами и тяжёлой дубовой дверью. Он казался чужеродным, будто перенесённым из другой эпохи, из другого мира.

Я замерла перед входом, внезапно ощутив, как внутри всё сжимается от необъяснимого страха. Рука, поднятая для звонка, застыла в воздухе.

Не поздно повернуть назад. Не поздно сбежать.

Но вместо этого я нажала кнопку звонка.

Дверь открылась бесшумно, словно меня ждали. В холле пахло пеплом и розами — странное, неестественное сочетание, от которого кружилась голова.

— Проходите, — раздался женский голос из глубины помещения. — Мы вас ждём.

Я сделала шаг вперёд, и дверь за моей спиной закрылась с тихим щелчком.

Щелчком капкана, захлопнувшегося за неосторожным зверьком.

Глава 3

"Есть вещи страшнее смерти — например, жизнь, в которой ты добровольно становишься добычей. Разница между жертвой и рабом в том, что раб знает о цепях, а жертва сама их надевает."

Мария

Внутри было холодно, несмотря на работающие батареи. Холод, казалось, исходил от самих стен — древних, покрытых темными обоями с выцветшим узором, похожим на сплетение змей. Офис выглядел так, будто не менялся последние сто лет.

Женщина, открывшая мне дверь, была под стать помещению — высокая, худая, с безупречной осанкой и неживыми глазами, словно вставленными в фарфоровую маску. На ней был строгий черный костюм, такой идеальный, что казался частью её тела.

— Мария Соколова? — спросила она, хотя наверняка знала ответ.

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. Горло сдавило необъяснимым страхом.

— Меня зовут Елена, — сказала она, не предлагая руки для пожатия. — Пройдемте. Вас ждут.

Я последовала за ней по темному коридору. Каблуки Елены четко отстукивали ритм по старому паркету, эхом отражаясь от стен. Мои шаги звучали неуверенно, словно я пыталась красться.

Мы миновали несколько дверей с потемневшими от времени табличками на незнакомом языке. За одной из них слышались приглушенные рыдания. Я замедлила шаг, инстинктивно прислушиваясь.

— Не обращайтесь внимания, — произнесла Елена, не оборачиваясь. — Некоторые кандидатки... не подходят.

Эта фраза отозвалась холодком вдоль позвоночника. Что значит "не подходят"? И что с ними происходит?

Мы остановились перед массивной дверью из черного дерева. Елена постучала три раза — коротко, отрывисто — и, не дожидаясь ответа, распахнула её.

Комната за дверью была просторной, с высокими потолками и окнами, затянутыми плотными шторами цвета запекшейся крови. Единственным источником света служила старинная лампа на массивном столе красного дерева. За столом сидела женщина лет шестидесяти, в строгом черном платье с высоким воротником. Её волосы — серебристо-седые — были собраны в тугой пучок, подчеркивавший острые черты лица.

Но главное — её глаза. Белесые, без зрачков, как у слепой. И всё же она смотрела прямо на меня, словно видела насквозь.

— Проходите, Мария, — голос был скрипучим, как несмазанная дверь. — Присаживайтесь.

Я опустилась на стул напротив, чувствуя, как дрожат колени. Елена встала за спиной женщины, как безмолвный страж.

— Меня зовут Гертруда, — представилась женщина. — Я веду все дела господина Монери.

Она выдвинула ящик стола и достала папку с документами. Кожаный переплет с серебряной застежкой. Старомодно. Неуместно в современном мире электронных контрактов.

— Вы ознакомились с условиями работы? — спросила Гертруда, хотя я была уверена — она знала, что на форуме никаких подробностей не было.

— Не совсем, — мой голос звучал тише, чем обычно. — В объявлении было мало информации.

Гертруда улыбнулась — если можно было назвать улыбкой это механическое движение губ.

— Конечно. Подробности обсуждаются лично, — она постучала сухими пальцами по папке. — Итак, условия следующие: вы будете проживать в особняке господина Моннери, выполняя обязанности личной помощницы. График работы — круглосуточный, выходных нет. Срок контракта — один год без права досрочного расторжения.

Она сделала паузу, давая мне осмыслить эти слова. Один год без выходных, без возможности уйти. Это звучало как добровольное рабство. Или тюремный срок.

— Что конкретно входит в мои обязанности? — спросила я, чувствуя, как пересыхает во рту.

— Всё, что потребуется господину, — ответила Гертруда расплывчато. — Подача еды, уборка личных покоев, выполнение поручений. Ничего сложного для девушки с вашим... опытом ухода за больными.

Я нахмурилась. Откуда она знает о моей работе? Я ничего не указывала в заявке.

— Вопрос оплаты, — продолжила Гертруда, не дожидаясь моей реакции. — Половина суммы выплачивается авансом сегодня. Вторая половина — по истечении срока контракта. Плюс бонус, размер которого зависит от качества вашей работы.

Она назвала сумму, и у меня перехватило дыхание. Этих денег хватило бы не только на лечение матери, но и на покупку нормального жилья, на жизнь без постоянного страха перед завтрашним днем.

— Это... очень щедро, — выдавила я.

— Господин Моннери ценит преданность, — сказала Гертруда, и что-то в её тоне заставило меня внутренне съежиться. — Особенно женскую.

Она раскрыла папку, и я увидела контракт — странный документ на пожелтевшей бумаге. Шрифт казался рукописным, с витиеватыми буквами и непонятными символами на полях. Часть текста была на неизвестном мне языке — похожем на латынь, но с какими-то искажениями.

— Что это за язык? — спросила я, указывая на непонятные абзацы.

— Старофранцузский, — ответила Гертруда. — Господин Моннери — потомок древнего рода, и некоторые формальности традиционно сохраняются на языке предков. Ничего важного, просто юридические формулировки.

Я ощущала подвох всем своим существом. Никто в здравом уме не станет подписывать контракт, половину которого не понимает. Но разве у меня был выбор?

Видите ли, когда твоя мать умирает, а холодильник пуст, когда счета за квартиру просрочены, а работы нет — твоя свобода выбора сжимается до точки. До момента, когда ты готов подписать что угодно, лишь бы выбраться из этой ямы.

— Я... — начала я, но Гертруда перебила.

— Есть ещё один момент, — она достала маленький серебряный ножик с рукоятку в виде змеи. — Контракт требует скрепления кровью.

Я отшатнулась.

— Кровью? Вы серьезно?

— Абсолютно, — её тон не оставлял места для возражений. — Это ещё одна традиция. Чистая формальность. Просто капля крови вместо чернил.

Елена, молчавшая всё это время, подала мне ножик. Её пальцы были ледяными, когда они коснулись моих.

— Это выглядит как какой-то оккультный ритуал, — сказала я, ощущая, как внутри нарастает паника.

— Не говорите глупостей, — голос Гертруды стал жестче. — Это просто эксцентричность богатого человека. Многие миллионеры имеют свои причуды. Если вас это смущает, мы можем закончить беседу. За дверью ждут другие кандидатки.

Её слова прозвучали как угроза. Я посмотрела на контракт, на ножик, на эти странные символы, похожие на те, что я видела во сне. Тошнота подступила к горлу.

— Я могу подумать? — слабо спросила я.

— Разумеется, — Гертруда улыбнулась снова, но теперь эта улыбка была опасной, как лезвие бритвы. — У вас есть ровно тридцать секунд.

Мои мысли лихорадочно метались. Что-то здесь было неправильно. Очень неправильно. Но что ждало меня дома? Смерть матери, нищета, отчаяние. Если верить рассказам других медсестер, некоторые богатые клиенты действительно были со странностями. Может, этот Моннери просто чудаковатый старик с театральными замашками?

— Двадцать секунд, — напомнила Гертруда.

Я представила лицо матери, когда скажу ей, что смогу оплатить лучшую клинику. Представила её здоровой, счастливой. Ради этого я могла потерпеть год странностей.

— Десять.

Я взяла ножик. Лезвие было острым, с каким-то рисунком, похожим на письма. Холодный металл обжигал пальцы.

— Пять.

Решение родилось не из размышлений, а из отчаяния. Я поднесла лезвие к ладони и резко провела по коже. Боль была мгновенной, яркой. Кровь — ярко-алая на бледной коже — выступила капельками.

Гертруда подала мне перо — старинное, с серебряным наконечником.

— Обмакните и подпишите там, где отмечено крестиком.

Я послушалась, хотя всё внутри кричало: беги! Перо коснулось бумаги, оставляя кроваво-красный след. Буквы моего имени казались чужими, будто написанными другим человеком.

В момент, когда я поставила последнюю точку, мне показалось, что бумага слегка задрожала под пальцами. А может, это дрожали мои руки.

— Превосходно, — Гертруда забрала контракт и быстро спрятала его в папку, не дав мне возможности перечитать. — Теперь финансовый вопрос.

Елена поставила передо мной металлический кейс. Щелкнули замки, и я увидела деньги — аккуратные стопки купюр. Больше, чем я видела за всю свою жизнь.

— Пересчитайте, если хотите, — предложила Гертруда.

Я покачала головой. Это казалось ненужным — словно пересчет уже ничего не изменит.

— Когда я должна приступить к работе? — спросила я, ощущая странное оцепенение.

— Немедленно, — ответила Гертруда. — Елена отвезет вас домой, чтобы вы могли уладить личные дела. На сборы у вас два часа. С собой не берите ничего, кроме документов. Всё необходимое предоставит господин.

— А телефон? — спросила я. — Мне нужно будет связываться с матерью.

Гертруда покачала головой.

— В особняке нет приема. Старые стены, понимаете ли. Раз в неделю вы сможете позвонить из кабинета господина Моннери. Под присмотром, разумеется.

Каждое слово добавляло тяжести в желудок. Что это за место, где даже телефоны не работают? Что за человек этот Моннери, если контролирует каждый звонок своих сотрудников?

Но контракт был подписан. Моей кровью. И кейс с деньгами стоял передо мной — реальный, осязаемый, тяжелый от обещаний лучшей жизни.

— Одно уточнение, — сказала Гертруда, когда я уже поднялась со стула. — Господин ценит... дисциплину. И конфиденциальность. Всё, что вы увидите в особняке, должно остаться в особняке. Нарушение этого правила будет иметь самые серьезные последствия.

Её белесые глаза смотрели сквозь меня, и на мгновение мне показалось, что она видит все мои страхи, все мои сомнения. Видит и наслаждается ими.

— Я понимаю, — ответила я, хотя не понимала ничего.

— Хорошо, — она кивнула Елене. — Можете идти. И, Мария... добро пожаловать в семью Моннери.

Амон

Гертруда доложила мне о подписании контракта через старую систему связи — единственную, которая работала в особняке без сбоев. Моим предкам не требовались провода и электричество, чтобы общаться на расстоянии. Кровь и магия — вот истинные проводники энергии.

— Она подписала, господин, — голос Гертруды звучал из маленького серебряного диска, покрытого рунами. — Без лишних вопросов.

Я усмехнулся. Конечно, без вопросов. Отчаяние — лучший мотиватор для людей. А эта девочка была в отчаянии по самые уши.

— Она... особенная, господин, — продолжила Гертруда. — Я почувствовала это, когда она вошла. В ней есть искра.

— Ты становишься сентиментальной, старая ведьма, — я поднес бокал с вином к губам. Напиток, настоящий на особых травах, помогал притупить Голод. Ненадолго. — Она просто еда. Как и все остальные.

— Но её кровь... — Гертруда замялась. — Я никогда не видела такой реакции. Контракт почти загорелся, когда она подписала.

Это заинтересовало меня. Обычно древний пергамент просто впитывал кровь жертвы, привязывая её душу к особняку. Но чтобы загорелся? Это случалось лишь однажды, много веков назад, когда контракт подписала девушка с кровью Ордена. Чистой, незапятнанной магией.

— Проверь её родословную, — приказал я. — Возможно, в её роду были охотники или ведьмы.

— Уже проверила, господин. Ничего примечательного. Обычная семья из провинции. Мать — учительница, отец — инженер, погиб в аварии десять лет назад.

Я задумался. Если не родословная, то что? Что делает её кровь такой... реактивной?

— Когда она придет? — спросил я, ощущая, как нарастает предвкушение.

— К вечеру, господин. Елена сопровождает её.

— Хорошо. Подготовь Голубую комнату.

Гертруда помолчала. Я почти видел её напряженное лицо.

— Голубую? Но, господин, это слишком близко к вашим покоям. Обычно девушки живут в восточном крыле.

— Я сказал, Голубую, — мой голос стал холоднее. — И распорядись насчет ужина. Я хочу познакомиться с ней... правильно.

— Как прикажете, господин.

Диск потускнел, связь прервалась. Я подошел к окну, глядя на сад, утопающий в осеннем тумане. Деревья, искривленные многовековыми ветрами, казались застывшими в безмолвном крике. Этот сад видел так много смертей, так много боли. И скоро увидит ещё одну.

Но сначала я хотел насладиться ею. Распробовать. Как гурман смакует редкое вино, не торопясь осушить бокал.

Мария. Даже её имя отдавало чем-то древним, священным. Мария — мать, дева, святая. Какая ирония — такое чистое имя для той, кому предстоит стать пищей для монстра.

Я провел пальцами по стеклу, оставляя морозный след. Старое стекло, помнящее тысячи прикосновений, тысячи дыханий. Некоторые верят, что стекло — это застывшая жидкость. Что оно продолжает течь, просто так медленно, что человеческий глаз не замечает. Как моя собственная жизнь — бесконечное, невыносимо медленное течение времени.

Знаете, чем страшнее всего бессмертие? Не одиночеством, не скукой, не потерей близких. А тем, что ты становишься наблюдателем. Не участником — просто зрителем, смотрящим одну и ту же пьесу снова и снова. Люди вокруг меняются, а их истории, их страсти, их страхи остаются прежними. Как будто кто-то просто меняет актеров, а сценарий остается тем же.

И только Голод — вечный, неутолимый — напоминает, что я всё ещё живу. Что я всё ещё чувствую. Что в этом высохшем, проклятом теле ещё осталось что-то настоящее.

Возможно, с ней будет иначе. Возможно, она станет новой главой в моей бесконечной истории. Новым вкусом в бесконечной череде блюд.

Или просто очередной жертвой. Очередным забытым именем.

Я отошел от окна и направился в винный погреб. Нужно было выбрать подходящее вино для первой встречи. Что-то особенное. Терпкое, с нотками пряностей и фруктов. Как её страх, смешанный с предвкушением.

Мария

Дома меня ждал разговор, которого я боялась больше всего. Как объяснить матери, что я уезжаю на год? Что буду звонить лишь изредка? Что оставляю её на попечение чужих людей?

Но деньги решали всё. Я вызвала врача из частной клиники — того самого, о котором мечтала годами. Оплатила полный курс лечения. Договорилась с соседкой — немолодой, но крепкой женщиной — о ежедневном уходе. Заплатила вперед за квартиру. Купила лекарства — целую гору, с запасом на месяцы.

Всё это время Елена ждала в машине — черном представительском автомобиле без опознавательных знаков. Она не торопила меня, но я чувствовала её присутствие даже через стены — холодное, неживое, давящее.

Мать смотрела на меня с тревогой, когда я объясняла про новую работу.

— Что за человек этот Моннери? — спросила она, сжимая мою руку слабыми пальцами. — Почему такие странные условия?

— Просто богатый эксцентрик, — я старалась звучать беззаботно. — Таких полно. Платит хорошо, но требует полной отдачи. Ничего страшного.

Она не верила. Я видела это в её глазах. Но что я могла сказать? Что подписала контракт кровью? Что меня ждет особняк, из которого нельзя звонить? Что мои новые работодатели похожи на персонажей из фильма ужасов?

— Обещай, что будешь осторожна, — сказала она. — И что вернешься.

— Обещаю, — я поцеловала её в лоб, чувствуя, как к горлу подступают слезы. — Это всего на год. Потом мы заживем по-новому. Ты поправишься, мы сможем путешествовать, всё будет хорошо.

Как легко даются обещания, которые не знаешь, сможешь ли сдержать.

Сборы заняли меньше времени, чем я думала. Что брать с собой, если тебе сказали не брать ничего? Документы, фотография матери, медальон, подаренный отцом на шестнадцатилетие. Всё остальное осталось дома — одежда, книги, мелочи, составлявшие мою жизнь.

Прощание было коротким. Я обняла мать, поцеловала, пообещала звонить, как только будет возможность. Она плакала тихо, сдержанно, как всегда.

— Я люблю тебя, — сказала я напоследок. — Помни об этом. Что бы ни случилось.

Елена ждала у подъезда, безучастная, как статуя. Когда я села в машину, она даже не взглянула на меня — просто включила двигатель и плавно тронулась с места.

Мы выехали из города по старому шоссе, ведущему на север. Деревья по обеим сторонам дороги становились всё гуще, небо — темнее. Начинался дождь — мелкий, холодный, превращающий мир за окном в размытую акварель.

— Далеко ещё? — спросила я, когда мы свернули на узкую лесную дорогу.

— Скоро приедем, — ответила Елена. Её голос звучал странно в замкнутом пространстве автомобиля — слишком высокий, почти детский.

Дорога петляла между деревьями, уходя всё глубже в лес. Мобильный телефон потерял сигнал ещё на выезде из города. Я была отрезана от мира, от всего знакомого и безопасного.

Внезапно лес расступился, и перед нами открылась поляна, на которой стоял особняк. Если бы мне пришлось описать кому-то первое впечатление от дома Моннери, я бы сказала: это здание не принадлежало нашему миру. Оно существовало в какой-то иной реальности, лишь частично пересекающейся с нашей.

Высокие башни с остроконечными крышами, массивные стены из темного камня, узкие окна, светящиеся приглушенным светом. Особняк будто вырастал из земли — не построенный, а выросший, как древний гриб, питающийся гнилью и тленом.

Ворота из кованого железа открылись сами, когда машина приблизилась. Не скрипнули, не заскрежетали — просто бесшумно распахнулись, словно приветствуя нас.

Мы проехали по гравийной дорожке и остановились у главного входа. Дождь усилился, стекая по лобовому стеклу сплошным потоком, размывая очертания здания.

— Приехали, — сказала Елена. — Добро пожаловать в особняк Моннери.

Я вышла из машины, чувствуя, как дождь сразу промочил волосы и плечи. Холодные капли стекали за воротник, заставляя дрожать. Но эта дрожь была не только от холода.

Массивная дубовая дверь открылась, и на пороге появилась Гертруда — всё в том же черном платье, с тем же непроницаемым выражением лица.

— Входите, Мария, — сказала она. — Господин ждёт вас.

Я сделала шаг вперед, переступая порог особняка Моннери. И в этот момент мне показалось, что сам дом вздохнул — глубоко, удовлетворенно, как хищник, дождавшийся своей добычи.

Дверь за моей спиной закрылась с тихим шелчком, отрезая путь к отступлению. Я была внутри. И теперь оставалось только идти вперед — навстречу своей судьбе, навстречу человеку с серебряными глазами из моих снов.

Хотя в глубине души я уже понимала: он не был человеком. Никогда им не был.

Глава 4

"Самая опасная тюрьма — та, в которую мы входим добровольно, не замечая решеток. В ней нет надсмотрщиков, потому что каждый сам себе и палач, и жертва."

Мария

чуть ранее

Холл особняка Моннери напоминал внутренность готического собора — высокие потолки с резными балками, мраморный пол с шахматным узором, величественная лестница, уходящая куда-то в темноту верхних этажей. Воздух пах пылью, воском и чем-то ещё — тонким, почти неуловимым ароматом, напоминающим увядшие розы и мускус.

Гертруда шла впереди, её шаги эхом отдавались от каменных стен. Я следовала за ней, борясь с желанием оглянуться на дверь — единственный выход, который я знала. Тяжесть принятого решения придавливала к земле, словно невидимый груз на плечах.

— Ваша комната на третьем этаже, в Голубом крыле, — сказала Гертруда, не оборачиваясь. — Обычно новый персонал размещают в восточном крыле, но господин распорядился иначе. Это большая честь.

Честь. Странное слово для ситуации, в которой я находилась. Я не чувствовала себя удостоенной чести. Скорее — загнанной в ловушку.

Мы поднялись по лестнице, миновали несколько коридоров, украшенных картинами в тяжелых рамах. Сюжеты были мрачными — сцены охоты, битв, страшного суда. Лица людей на полотнах искажались от боли и страха, а глаза, казалось, следили за нами, поворачиваясь вслед.

Наконец Гертруда остановилась перед дверью из темного дерева с резной ручкой в форме змеи.

— Ваша комната, — она достала тяжелый ключ и открыла дверь. — У вас есть час, чтобы привести себя в порядок. В шкафу найдете одежду. Для ужина наденьте то, что висит в чехле. Господин ценит пунктуальность.

Я кивнула, не доверяя своему голосу. Гертруда пристально посмотрела на меня своими белесыми глазами. На мгновение мне показалось, что в них мелькнуло что-то похожее на жалость.

— Ещё кое-что, Мария, — сказала она тише. — Господин... особенный человек. С особыми вкусами. Не удивляйтесь ничему, что увидите или услышите. И никогда не показывайте страх. Это... возбуждает его.

От этих слов по спине пробежал холодок. Что значит "особенные вкусы"? Что значит "возбуждает"? Хотя из его разговора по моим венам текла маленькая, едва зарождающаяся паника. Мне стало страшно... Не от того, что он может со мной сделать, а от того, что я это чувствую. Влечение и желание чтобы он... чтобы он так же хотел меня... А еще стойкое ощущение, что он не человек.

— Я не понимаю, — выдавила я.

— Поймете, — Гертруда развернулась, собираясь уходить. — Ровно через час я вернусь за вами. Будьте готовы.

Дверь закрылась, и я услышала поворот ключа в замке. Меня заперли. Этот простой звук сделал реальность происходящего оглушительно ясной. Я заключила сделку с дьяволом, и теперь расплата неизбежна.

Комната оказалась неожиданно красивой. Просторная, с высокими окнами, затянутыми голубой тканью, с кроватью под балдахином и изящной мебелью в стиле рококо. На стенах — гобелены с изображениями морских сцен. На прикроватном столике — ваза с белыми лилиями, источающими тяжелый аромат.

Я подошла к окну и отодвинула штору. Снаружи бушевала гроза — молнии разрывали темное небо, освещая сад, раскинувшийся под окнами. Деревья гнулись под порывами ветра, создавая иллюзию движущихся фигур. На мгновение мне показалось, что среди деревьев мелькнула человеческая тень — высокая, стремительная. Но когда ударила следующая молния, там никого не было.

Нервно сглотнув, я отошла от окна и открыла шкаф. Внутри висела одежда — платья, блузки, юбки. Всё моего размера, словно кто-то заранее знал мои мерки. В отдельном чехле обнаружилось вечернее платье — темно-синее, с открытой спиной и глубоким декольте. Рядом — туфли на высоком каблуке, ювелирные украшения в бархатной коробочке. Нежданная роскошь, от которой становилось только тревожнее.

В ванной комнате я обнаружила всё необходимое для приведения себя в порядок — косметику, средства для волос, духи. Словно меня не на работу пригласили, а на свидание.

Приняв душ, я стояла перед зеркалом, разглядывая своё отражение. Последние месяцы ухода за матерью не прошли бесследно — я похудела, под глазами залегли тени, кожа стала бледной. Я выглядела как собственный призрак.

"Что я здесь делаю?" — этот вопрос крутился в голове, пока я сушила волосы, наносила макияж, надевала это непристойно дорогое платье. Оно сидело идеально, подчеркивая фигуру, которую я привыкла скрывать под медицинскими халатами и мешковатыми свитерами.

В зеркале отражалась незнакомка — красивая, утонченная, с затаенным страхом в глазах. Это была не я. Не могла быть я.

Знаете, есть момент, когда ты понимаешь, что пути назад нет. Как в кошмарном сне, где ты бежишь от чего-то ужасного, но ноги увязают в невидимой трясине. Я находилась в таком моменте — застывшая между прошлым, которое уже не вернуть, и будущим, которого стоило бояться.

Ровно через час в дверь постучали. Гертруда стояла на пороге, оценивающе оглядывая меня с головы до ног.

— Хорошо, — кивнула она. — Господин будет доволен. Следуйте за мной.

Мы спустились вниз по главной лестнице. Теперь в особняке горели свечи — сотни свечей в канделябрах, на стенах, на каминных полках. Их мерцающий свет создавал иллюзию движения, словно стены дышали.

Гертруда привела меня к массивным дверям из темного дуба, украшенным серебряной ковкой.

— Господин ждет вас в малой столовой, — сказала она. — Помните, о чем я говорила. Никакого страха.

Она постучала и, не дожидаясь ответа, распахнула двери. Потом отступила, пропуская меня вперед.

Я сделала глубокий вдох и переступила порог.

Комната была небольшой, но роскошной. Стены, обитые темно-красным шелком, антикварная мебель, хрустальные люстры, рассеивающие свет десятков свечей. В центре — стол, сервированный на двоих. Серебряные приборы, тонкий фарфор, хрустальные бокалы. Ни намек на современность — словно я перенеслась на несколько веков назад.

И он. Сидящий во главе стола, спиной к огромному камину, в котором плясало пламя. Сначала я видела лишь силуэт — высокий, стройный, с длинными волосами, спадающими на плечи. Но когда он поднял голову, свет свечей осветил его лицо, и моё сердце пропустило удар.

Я знала это лицо. Видела его во сне. Именно он приходил ко мне, заставляя тело гореть от невидимых прикосновений.

Амон Моннери был воплощением холодной, нечеловеческой красоты. Идеальные черты лица, словно высеченные из мрамора. Бледная кожа, почти светящаяся в полумраке. Длинные черные волосы, обрамляющие лицо как вороново крыло. И глаза — серебряные, как расплав-

ленный металл, с вертикальными зрачками, как у хищника. Он выглядел слишком совершенным, чтобы быть реальным. Слишком прекрасным, чтобы быть человеком.

— Мария, — его голос был именно таким, как я помнила — глубоким, обволакивающим, проникающим под кожу. — Наконец-то мы встретились... лично.

Он поднялся — грациозно, без единого лишнего движения — и подошел ко мне. Высокий, затянутый в черный костюм старинного покроя, с серебряной булавкой для галстука в форме змеи, обвивающей рубин.

Он обошел меня, словно изучая со всех сторон. Я чувствовала его взгляд физически — как прикосновение холодных пальцев к коже. Он остановился позади, так близко, что я ощущала исходящий от него странный аромат — древесный, терпкий, с нотами чего-то металлического.

— Ты именно такая, как я представлял, — прошептал он, и его дыхание коснулось моей шеи, вызывая дрожь. — Идеальная.

Я стояла, не двигаясь, борясь с противоречивыми импульсами — бежать или податься навстречу этому странному, опасному притяжению. Что-то первобытное внутри меня кричало об опасности, а что-то — тоже первобытное — отзывалось на его близость с предательским желанием.

— Прощу, — он жестом указал на стол. — Присаживайся. Ты, должно быть, голодна после дороги.

Он отодвинул для меня стул, проявляя старомодную галантность. Я села, чувствуя, как колотится сердце где-то в горле. Амон вернулся на своё место, не сводя с меня глаз.

— Вино? — он взял графин с темно-красной жидкостью. — Особый сорт. Моя семья культивирует его столетиями.

Я кивнула, не доверяя своему голосу. Он наполнил мой бокал, потом свой. Поднял его в жесте тоста.

— За новые начинания, — сказал он с улыбкой, в которой не было ни капли тепла.

Я сделала глоток. Вино было необычным — терпким, с металлическим привкусом, оставляющим ощущение тепла во всем теле.

— Ты не задаешь вопросов, — заметил Амон, глядя на меня поверх бокала. — Большинство на твоём месте уже засыпали бы меня вопросами о работе, о доме, обо мне.

Я поставила бокал на стол, чувствуя, как вино туманит сознание.

— Я не уверена, что хочу знать ответы, — сказала я тихо.

Он рассмеялся — низким, рокошущим смехом, который вибрировал в воздухе, как раскаты грома.

— Честно. Мне нравится. Большинство людей предпочитают сладкую ложь горькой правде.

Двери открылись, и слуги — безмолвные, с пустыми лицами — внесли блюда. Еда выглядела изысканно, но я едва могла сосредоточиться на ней. Все мое внимание было приковано к человеку напротив.

— Но все же, — продолжил Амон, когда слуги удалились, — ты должна знать, чего я от тебя ожидаю. Твои обязанности... несколько отличаются от стандартных.

Он отложил приборы, сложил руки перед собой.

— Ты не просто прислуга, Мария. Ты — мой личный... компаньон. Ты будешь сопровождать меня днем и ночью. Быть рядом, когда я позову. Выполнять любые мои просьбы. Любые.

Последнее слово он произнес с особым нажимом, и по моей спине пробежал холодок.

— Я не... — начала я, но он перебил.

— Не торопись с отказом, — его голос стал мягче, почти гипнотическим. — Я не требую ничего, что ты не захочешь дать сама. Со временем.

Он поднялся и подошел к камину. Пламя отбрасывало причудливые тени на его лицо, делая его ещё более нечеловеческим.

— Я очень стар, Мария. Старше, чем ты можешь представить. За свою жизнь я видел падение империй, рождение и смерть религий, бесчисленные войны и революции, — он говорил, глядя в огонь. — И знаешь, что я понял за это время? Что единственное, ради чего стоит жить — это ощущения. Эмоции. Чувства. Всё остальное — преходяще.

Он повернулся ко мне, и его серебряные глаза блеснули в полумраке.

— Ты будешь моим проводником в мир ощущений, Мария. Моим зеркалом. Моим... резонатором.

Я смотрела на него, не понимая, о чем он говорит, но чувствуя, как внутри нарастает страх. Он говорил как безумец. Или как существо, не принадлежащее к человеческому роду. Но его красота сбивала с толку, опутывала, соблазняла, затягивала в воронку пошлых мыслей и диких желаний. Я сама не понимала, почему смотрю на него и чувствую как сердце сильно бьется. Болит в горле. Это неестественно ощутить почти влюбленность. Одновременно со страхом.

— Я не понимаю, — произнесла я наконец.

— Поймешь, — он вернулся к столу, но не сел. Вместо этого он встал позади меня и положил руки мне на плечи. Его пальцы были ледяными даже сквозь ткань платья. — Со временем ты всё поймешь.

Его большие пальцы начали массировать основание моей шеи, посылая волны странного удовольствия вдоль позвоночника. Это было похоже на ощущения из сна — то же невозможное сочетание страха и желания.

— А пока, — продолжил он, наклоняясь к моему уху, — просто наслаждайся ужином. И нашим... знакомством.

Его дыхание коснулось моей кожи, и я вздрогнула. Не от страха — от чего-то более примитивного, более глубокого. От узнавания. Моё тело помнило его прикосновения из сна и отзывалось на них предательской дрожью.

— Видишь? — прошептал он. — Твоё тело уже знает меня. Уже жаждет меня. Даже если твой разум сопротивляется.

Он отпустил меня и вернулся на своё место за столом. Я сидела, парализованная этим странным, неуместным желанием, сражаясь с собственными инстинктами.

— Ешь, — сказал он, указывая на мою нетронутую тарелку. — Тебе понадобятся силы.

Остаток ужина прошел в тягостном молчании. Я едва могла проглотить несколько кусочков, но вино пила жадно, надеясь, что оно притупит нарастающий страх. Амон почти не прикасался к еде, лишь изредка отпивал из своего бокала, не сводя с меня пристального взгляда.

Когда с ужином было покончено, он поднялся.

— Я покажу тебе дом, — сказал он. — Точнее, ту его часть, которая тебе доступна.

Я встала на нетвердых ногах, то ли от вина, то ли от нервного напряжения. Он предложил мне руку, и я, после секундного колебания, приняла её. Его кожа была холодной и гладкой, как мрамор.

Мы вышли из столовой и направились по коридору, освещенному лишь свечами. Амон шел медленно, указывая на различные комнаты, рассказывая об истории особняка. Его голос был мелодичным, гипнотическим, заставляющим забыть о страхе.

— Дом построен на древних катакомбах, — говорил он. — Некоторые части датируются XIII веком. Говорят, здесь проводили ритуалы старой религии. Той, что существовала до христианства.

Мы поднялись по винтовой лестнице, миновали галерею с портретами — мужчины и женщины в старинных одеждах, все с одинаково бледными лицами и странными, светлыми глазами.

— Моя семья, — сказал Амон, заметив мой взгляд. — Или, скорее, то, что от неё осталось. Теперь я и мои братья последние.

В его голосе прозвучала неподдельная грусть, первая настоящая эмоция, которую я уловила.

— Что случилось с остальными? — спросила я.

— Время, — ответил он просто. — Время забирает всё, Мария. Даже тех, кто думает, что победил его.

Мы остановились перед картиной, изображавшей молодого мужчину в монашеской рясе. Его лицо было поразительно похоже на лицо Амона, но мягче, человечнее. Глаза — не серебряные, а карие — смотрели с холста с выражением мучительной решимости.

— Это ты? — спросила я, не думая.

Амон усмехнулся.

— В некотором роде. Это то, чем я был... давно.

Он провел пальцем по раме картины, словно лаская её.

— Видишь ли, Мария, все мы начинаем как люди. Со всеми их слабостями, страхами, надеждами. А потом... меняемся.

Что-то в его тоне заставило меня вздрогнуть. Он заметил и улыбнулся — холодной, опасной улыбкой.

— Не бойся, — сказал он. — По крайней мере, не меня. Бойся себя. Того, что ты можешь почувствовать. Того, что можешь захотеть. Но я не советую теб очаровываться, чтобы разочарование не было болезненным и страшным.

Он наклонился ближе, и я почувствовала его дыхание на своей коже.

— Потому что я дам тебе всё, что ты пожелаешь, Мария. И это будет твоим проклятием.

Амон

Я наблюдал, как она спит. Голубая комната была частью моих личных покоев, соединенная с моей спальней потайным проходом. Я мог приходить и уходить незамеченным, наблюдать за ней в любое время дня и ночи.

Лунный свет проникал сквозь неплотно задернутые шторы, омывая её фигуру серебристым сиянием. Золотистые волосы разметались по подушке — тонкие, шелковистые, отливающие медом даже в полутьме. Я представил, как пропускаю их сквозь пальцы, наматываю на кулак, дергаю, заставляя её запрокинуть голову, обнажая незащитное горло.

Её сон был беспокойным. Она металась по постели, сбивая простыни, шепча что-то неразборчивое. Тонкая ткань ночной сорочки обрисовывала каждый изгиб её тела — хрупкого, но не лишённого женственности. Изящные ключицы, тонкая талия, плавный изгиб бедер. Под моим взглядом сорочка казалась прозрачной, позволяя видеть бледную кожу с россыпью едва заметных веснушек на плечах.

Но больше всего меня притягивала её грудь — небольшая, идеальной формы, с заострившимися от прохлады сосками, отчетливо проступающими сквозь тонкую ткань. Я знал, как выглядит её тело — моё зрение позволяло видеть сквозь одежду, сквозь ложь человеческого притворства. Я видел её розовые ареолы, чуть темнее, чем окружающая кожа. Видел голубоватые вены, просвечивающие на внутренней стороне груди. Видел крошечную родинку под левой грудью — как секретная метка, ждущая моего прикосновения.

Эта девушка не была классически красива, как многие из моих прежних жертв. В ней не было ослепительной роскоши тех, кого я выбирал для мимолетного насыщения. Её красота была иной — хрупкой, неброской, почти незаметной на первый взгляд. Но чем дольше я смотрел, тем больше видел — чистоту линий, гармонию пропорций, совершенство несовершенного.

Я мог видеть, как пульсирует кровь под тонкой кожей её шеи, как трепещут ресницы во сне, как приоткрываются губы, выпуская тихий вздох. Я слышал биение её сердца — сильное, ровное, полное жизни. Жизни, которую я так жаждал поглотить.

Кожа казалась фарфоровой в лунном свете — бледной, почти светящейся изнутри. Под глазами залегли тени — свидетельство её изнурительной работы и бессонных ночей у постели матери. Эта усталость, эти следы жизненных тягот делали её странным образом еще более привлекательной. Как трещины на дорогом фарфоре, придающие ему характер и историю.

Я мог бы взять её прямо сейчас. Мог бы насытить свой Голод её страхом, её болью, её жизненной силой. Но это было бы... обыденно. Я делал так сотни раз с другими. Они кричали, плакали, умоляли. А потом умирали — от экстаза или от ужаса, какая разница?

Нет, с ней должно быть иначе. Я хотел, чтобы она пришла ко мне сама. Добровольно. Зная, что я такое. Зная, что её ждёт.

Я хотел сломать её по-особенному — не физически, а духовно. Хотел видеть, как она борется с собственными желаниями. Как отрицает очевидное. Как, наконец, сдается — не мне, а себе.

Почему? Блядь, я сам не знал. За восемь столетий существования я перепробовал все виды пыток, все формы соблазнения, все способы сломать человеческую волю. Я думал, что ничто не может удивить меня. Что ничто не может... заинтересовать.

Но эта девочка — эта усталая, затраханная жизнью медсестра с голубыми глазами и стальным стержнем внутри — что-то во мне задела. Какую-то струну, о существовании которой я даже не подозревал.

Её слеза, хранящаяся в моей шкатулке, была не такой, как у других. Она светила изнутри, пульсировала жизнью. Когда я касался флакона, внутри меня что-то отзывалось — глубоко, болезненно, в том месте, где когда-то было сердце.

Это злило меня. Раздражало. Выводило из равновесия. Я был хищником, а она — добычей. Так должно быть. Так всегда было.

Но когда я смотрел на неё, спящую, беззащитную, то чувствовал что-то... другое. Что-то, чему не мог дать имени. Что-то опасное — не для неё, для меня.

Я отошел от её постели, стараясь двигаться бесшумно, хотя знал — она не проснется. Вино, которое я ей подал, было особенным. С травами, заставляющими спать глубоко, без сновидений. Мне нужно было время, чтобы подумать. Чтобы спланировать следующий шаг в этой игре.

Потому что это была игра. Самая важная игра за последние столетия. И я не мог позволить себе проиграть.

Я вернулся в свои покои через потайной ход. Массивная кровать с балдахином, никогда не использовавшаяся для сна, занимала центр комнаты. На столе — графин с особым "вином", помогавшим притупить Голод. На стенах — зеркала в серебряных рамах, отражающие пустоту там, где должно было быть моё отражение.

Я подошел к окну, глядя на бушующую грозу. Молнии рассекали небо, освещая сад, раскинувшийся под окнами. Мой сад. Моя земля. Моя тюрьма.

Знаете, в чем проклятие бессмертия? Не в одиночестве, не в бесконечной жизни без цели. А в невозможности измениться. В застытии. В остановке времени внутри тебя, когда вокруг всё продолжает двигаться.

Я был заморожен в своем существовании. Неспособный стать чем-то большим или меньшим, чем я есть. Обреченный повторять один и тот же цикл — голод, охота, насыщение, опустошение — снова и снова. Без конца. Без цели. Без смысла.

Но эта девочка... Что-то в ней обещало изменение. Что-то в ней звало к пробуждению.

И это пугало меня больше, чем что-либо за последние восемь веков.

Я сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Кровь — густая, темная, почти черная — медленно стекала по пальцам. Я поднес руку к губам и слизнул её. Мой собственный вкус был пустым, безжизненным, как пепел.

Чего я хотел от Марии? Её крови? Её тела? Её души?

Всего. И даже больше.

Я хотел поглотить её целиком, без остатка. Хотел, чтобы она стала частью меня. Хотел... чтобы она заполнила эту пустоту внутри, эту бездонную яму, эту чёрную дыру на месте сердца.

Хотел невозможного.

Я отвернулся от окна и подошел к секретеру, где хранил флакон с её слезой. Достал его, поднес к свече. Прозрачная капля внутри пульсировала, как живое существо, отражая пламя.

Я открыл флакон и вдохнул аромат. Её суть. Её жизнь. Её боль. И то, что делало её особенной — её силу. Не физическую. Духовную. Силу человека, который продолжает идти вперед, даже когда всё потеряно. Силу, которая зовется надеждой.

Я закрыл флакон и вернул его на место. Завтра. Завтра я начну процесс. Медленно, осторожно. Шаг за шагом. Я буду ломать её, пока не останется ничего, кроме желания подчиниться. Кроме жажды, отражающей мою собственную.

А потом... я даже не знал, что будет потом. И это было самым пугающим из всего.

Глава 5

"Самая изысканная форма пытки — это не боль, а ожидание. Подвешенное состояние между страхом и желанием, когда ты сам становишься своим палачом, а твоё воображение — самым жестоким инструментом."

Мария

Первый день в особняке Моннери начался с тихого стука в дверь. Я проснулась мгновенно, словно и не спала — тело напряженное, разум ясный, хотя не помнила, как добралась до кровати после ужина с Амоном. Последнее, что сохранилось в памяти — его слова о том, что я стану его "проводником в мир ощущений". Что бы это ни значило.

— Войдите, — сказала я, натягивая одеяло до подбородка.

Дверь открылась, и в комнату вошла молодая девушка — бледная, худая, с пустыми глазами, словно у куклы. На ней было черное платье горничной старомодного покроя, волосы убраны под белоснежный чепец.

— Доброе утро, госпожа, — произнесла она тихим, безжизненным голосом. — Меня зовут Лиза. Я буду помогать вам с одеждой и прической.

Она подошла к окну и раздвинула шторы. Серый свет пасмурного утра залил комнату. За окном — всё тот же сад, теперь уже без дождя и грозы, но от этого не менее мрачный.

— Который час? — спросила я, выбираясь из постели.

— Девять утра, госпожа, — Лиза направилась к шкафу и достала оттуда платье — простое, но элегантное, тёмно-синего цвета. — Господин просил передать, что ждет вас к завтраку в малой столовой через полчаса.

Я кивнула, чувствуя, как внутри всё сжимается при мысли о новой встрече с Амоном. Вчерашний ужин оставил странное послевкусие — смесь страха, очарования и какого-то неуместного возбуждения, которое я старалась игнорировать.

Лиза помогла мне одеться, расчесала и уложила волосы. Всё это время она не произнесла ни слова, кроме необходимых указаний. Её пальцы двигались механически, словно у автомата, запрограммированного на определенные действия.

— Ты давно здесь работаешь? — спросила я, пытаюсь нарушить гнетущую тишину.

Она замерла на мгновение, потом продолжила заплетать мне косу.

— Пять лет, мисс, — ответила она после паузы.

— И как тебе... господин Моннери? — я старалась, чтобы вопрос прозвучал небрежно.

Снова пауза, на этот раз более долгая.

— Господин справедлив, — сказала она наконец. Глаза оставались такими же пустыми, но на бледных щеках появился лихорадочный румянец. — Вы готовы, мисс. Я провожу вас в столовую.

Мы шли по коридорам особняка — бесконечным, запутанным, как лабиринт. Днем дом выглядел иначе — величественным, но менее зловещим. Солнечный свет проникал сквозь витражные окна, создавая цветные узоры на полу и стенах.

— Смотрите только вперед, мисс, — предупредила Лиза, когда мы проходили мимо длинной галереи с портретами. — И не останавливайтесь.

Я не успела спросить, почему, потому что мы уже достигли знакомых дверей малой столовой. Лиза постучала, потом распахнула двери и отступила, пропуская меня вперед.

Амон сидел за столом, просматривая какие-то бумаги. В дневном свете он выглядел иначе — менее пугающим, более человеческим. Но всё равно нечеловечески красивым. Его длинные черные волосы были собраны в низкий хвост, подчеркивая острые скулы и идеальный

профиль. Он был одет в темно-серый костюм старинного покроя, который странно сочетался с современными золотыми запонками.

— Доброе утро, Мария, — он поднял голову и улыбнулся. Улыбка преобразила его лицо, сделав почти мальчишеским. — Надеюсь, ты хорошо спала?

— Да, спасибо, — солгала я, подходя к столу.

Он указал на стул рядом с собой — не напротив, как вчера, а близко, слишком близко. Я села, чувствуя исходящий от него холод, который, казалось, имел свой собственный запах — древесный, металлический, с нотами чего-то неуловимого.

— Завтрак? — он жестом указал на сервированный стол.

Я кивнула, не доверяя своему голосу. Он сам наполнил мою тарелку — свежие фрукты, омлет, тосты. Себе не взял ничего, только налил в бокал темно-красную жидкость — то ли вино, то ли какой-то сок.

— У тебя, наверное, много вопросов, — сказал он, глядя, как я ковыряюсь в еде. — Спрашивай. Я отвечу... на те, что можно ответить.

Я положила вилку, собираясь с мыслями. Вопросов действительно было много, но большинство из них я боялась задать.

— Что конкретно я должна делать? — спросила я наконец. — Какие мои обязанности?

Амон отпил из бокала, не сводя с меня взгляда. Его серебряные глаза в дневном свете казались почти прозрачными.

— Твоя главная обязанность — быть рядом, когда я позову, — сказал он. — Сопровождать меня. Слушать. Говорить, когда я попрошу. Молчать, когда потребуется тишина.

Он сделал паузу, продолжая изучать моё лицо.

— И, конечно, помогать мне в некоторых... экспериментах.

От этого слова по коже пробежал холодок.

— Каких экспериментах? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он усмехнулся, и в этой усмешке было что-то опасное, хищное.

— Не бойся, ничего противозаконного, — он наклонился ближе, и я ощутила его дыхание на своей щеке. — Просто... исследования человеческих ощущений. Эмоций. Чувств.

Его пальцы — холодные, сухие — коснулись моего запястья. Легко, почти неощутимо, но этого было достаточно, чтобы вызвать волну мурашек вдоль позвоночника.

— Видишь? — прошептал он. — Твоё тело реагирует на простое прикосновение. Учащенный пульс, расширенные зрачки, мурашки на коже. Крошечные реакции, которые ты не можешь контролировать. Это... восхитительно.

Я отдернула руку, чувствуя, как краска заливает лицо. Он не пытался удержать меня, просто наблюдал с тем же холодным интересом, с каким энтомолог наблюдает за редким насекомым.

— Почему я? — вырвалось у меня. — Почему выбрали именно меня?

Это был вопрос, мучивший меня с самого начала. Почему именно я получила это странное сообщение? Почему именно моя кровь скрепила контракт? А еще я не могла на него смотреть. От этой красоты слепило глаза. Казалось я попала на крючок его дикого шарма, сексуальности настолько сильной, что у меня ныло внизу живота только от одной мысли, что его длинные пальцы прикоснутся ко мне. Наверное все его женщины сходили с ума из-за него, наверное все они готовы были вскрыть себе вены лишь бы он был рядом...нет, не любил, а позволял стоять перед собой на коленях.

Амон откинулся на спинку стула, поигрывая бокалом. Кажется он увствовал о чем я думаю и мои щеки зарделись еще сильнее.

— Скажем так... ты особенная, Мария, — сказал он наконец. — В тебе есть что-то, что привлекло моё внимание. Что-то... редкое.

Он сделал ещё один глоток и поставил бокал на стол.

— Но хватит вопросов на сегодня. После завтрака я покажу тебе библиотеку. Там ты найдешь всё, что нужно знать о моей семье. О доме. Обо мне.

Библиотека Моннери занимала целое крыло особняка — огромный зал с потолком высотой в три этажа, уставленный книжными шкафами от пола до потолка. Узкие лестницы на колесиках позволяли добраться до самых верхних полок. Старинные глобусы, астрономические приборы, чучела экзотических животных дополняли интерьер, создавая ощущение кабинета средневекового алхимика.

Амон провел меня между стеллажами, указывая на различные секции.

— Здесь история, — говорил он, проводя пальцами по корешкам книг. — Здесь философия. Здесь наука — от алхимии до квантовой физики. А вот здесь...

Он остановился перед секцией, отгороженной резной деревянной решеткой. За ней виднелись древние тома в кожаных переплетах с металлическими застёжками.

— Здесь история моей семьи, — сказал он, доставая из кармана маленький ключ. — История Моннери. И не только их.

Он открыл решетку и достал один из томов — огромный, тяжелый, с пожелтевшими от времени страницами.

— Это родословная, — пояснил он, бережно перелистывая страницы. — Самая подробная из существующих.

Я заглянула через его плечо. Страницы были испещрены странными символами, похожими на руны, перемежающимися с латинскими и греческими буквами. Кое-где виднелись рисунки — гербы, печати, портреты.

— Я не могу это прочесть, — сказала я.

— Научись, — он захлопнул книгу и поставил обратно на полку. — Со временем. У тебя будет доступ ко всей библиотеке, кроме вот этой секции.

Он указал на дальний угол зала, где виднелась массивная дверь из черного дерева, запёртая на три замка.

— Что там? — спросила я, не в силах сдержать любопытство.

— Гримуары, — ответил он просто. — Книги, которые не следует читать неподготовленным.

Он развернулся ко мне, внезапно оказавшись так близко, что я ощутила его дыхание на своем лице.

— Знание — опасная вещь, Мария, — сказал он тихо. — Особенно знание о вещах, которые выходят за рамки человеческого понимания. Есть тайны, которые могут свести с ума. Есть истины, которые могут разрушить душу.

Его глаза — эти невозможные серебряные глаза — смотрели прямо в мои, и я не могла отвести взгляд. Как кролик, загипнотизированный змеей. Эта жидкая ртуть, расплавленное серебро, блестящее и яркое, словно слегка фосфорящееся. Узкие зрачки чуть вытянутые как...как у хищника. Разве у человека могут быть такие глаза?

— Есть желания, которые опаснее любого знания, — прошептал он, и его губы почти коснулись моих. — Желания, которые могут уничтожить и тебя, и меня.

На мгновение мне показалось, что он поцелует меня. Часть меня — темная, безрассудная часть — даже хотела этого. Но он отстранился, и момент был разрушен. Его чувственные красные губы, полные, сочные, манящие...отдались и я чуть не застонала. Кажется все мое тело напряглось, соски сжались в твердые камушки.

— Приходи сюда, когда захочешь, — сказал он, указывая на библиотеку. — Читай. Учись. Это поможет тебе... понять.

Он направился к выходу, но у дверей остановился.

— И, Мария... я буду ждать тебя к ужину. В восемь. Надень красное платье, которое найдешь в шкафу.

С этими словами он исчез, оставив меня одну среди тысяч книг, хранящих секреты веков.

Я провела в библиотеке несколько часов, бродя между стеллажами, перелистывая страницы древних фолиантов. Многие книги были на языках, которых я не знала — латынь, греческий, иврит, арабский. Но некоторые — на английском, французском, русском — я могла читать.

Я нашла несколько томов об истории поместья Моннери. Оно было построено в XIII веке на месте древнего святилища, посвященного какому-то забытому божеству. Первый Моннери был не то монахом-отступником, не то рыцарем, вернувшимся из крестового похода с тайными знаниями Востока. Он основал род, который процветал несколько веков, а потом начал угасать. Последние записи датировались началом XX века — упоминание о некоем Амоне Моннери, единственном наследнике, ушедшем добровольцем на Первую мировую войну и пропавшем без вести.

Мог ли это быть тот же Амон, что сейчас владел поместьем? Невозможно. Тот человек давно должен был умереть от старости.

Я закрыла книгу, чувствуя, как от долгого чтения устали глаза. Часы на стене показывали почти пять. Времени до ужина оставалось достаточно, чтобы принять ванну и переодеться. И подумать — о том, что я узнала, и о том, что всё ещё оставалось загадкой.

В комнате меня ждала Лиза — всё такая же безучастная, механическая. Она приготовила ванну, наполнив её ароматной водой с лепестками роз.

— Господин любит, когда от женщин пахнет розами, — сказала она, помогая мне раздеться. — Особенно от тех, кого он... выбирает.

От этих слов у меня по спине пробежал холодок.

— Что значит "выбирает"? — спросила я, входя в горячую воду.

Лиза не ответила, просто взяла губку и начала мыть мне спину. Её прикосновения были безличными, как у медсестры, но в то же время в них чувствовалась какая-то подавленная страсть, словно она хотела, но не могла позволить себе чувствовать что-то большее.

— Лиза, — настаивала я. — Что случается с теми, кого он выбирает?

Она замерла, потом продолжила тереть мне спину, сильнее, чем раньше.

— Они исчезают, — сказала она наконец, таким тихим голосом, что я едва расслышала. — Через несколько недель или месяцев. Господин говорит, что они нашли другую работу. Но мы знаем...

Она оборвала себя, словно испугавшись собственных слов.

— Знаете что? — я обернулась, встречаясь с ней взглядом.

Её глаза — обычно пустые — сейчас были полны страха.

— Ничего, мисс, — она опустила взгляд. — Я не должна была говорить. Господин не любит... сплетни.

Остаток процедуры прошел в молчании. Лиза помогла мне вымыть волосы, высушила их, расчесала. Потом достала из шкафа платье — алое, как свежая кровь, с глубоким вырезом на спине и разрезом на юбке, обнажающим ногу почти до бедра.

— Я не могу это надеть, — сказала я, глядя на это произведение искусства порнографического кутюрье.

— Господин приказал, — ответила Лиза безучастно. — Вы подписали контракт.

Эти слова были как пощечина. Да, я подписала. Своей кровью. Выбора не было.

Платье село идеально, облекая тело как вторая кожа. Ткань — шелк или что-то подобное — струилась по фигуре, подчеркивая каждый изгиб. В зеркале отражалась не скромная медсестра, а роковая женщина с горящими от смущения щеками и вызывающе обнаженной спиной.

— Прекрасно, — сказала Лиза, оглядывая меня с профессиональным интересом. — Господин будет доволен.

Она достала из коробки туфли — высокие, на шпильке, под цвет платья — и помогла мне надеть их. Потом открыла шкатулку с ювелирными украшениями.

— Это господин велел вам надеть, — она протянула мне серебряный браслет в форме змеи, обвивающей запястье. Глаза змеи были рубиновыми, как капли крови.

Я позволила ей застегнуть браслет, чувствуя его холодную тяжесть на коже. Змея казалась живой, её рубиновые глаза смотрели на меня с хитрым прищуром.

— Вы готовы, мисс, — Лиза отступила, оглядывая результат своей работы. — Я провожу вас в обеденный зал.

Амон

Я ждал её, сидя в кресле у камина. Слышал её шаги — лёгкие, неуверенные на высоких каблуках — ещё до того, как двери открылись. Чувствовал её запах — розы и страх, смешанные с её естественным ароматом. Ощущал биение её сердца через стены, через пространство, через время.

Когда она вошла, я не повернулся сразу. Позволил ей несколько секунд неуверенности, несколько мгновений тревожного ожидания. Эти маленькие моменты напряжения — как аперитив перед основным блюдом. Как предвкушение перед насыщением.

Наконец я поднялся и обернулся. И замер, пораженный.

Я видел бесчисленное множество женщин за свою долгую жизнь. Прекрасных, соблазнительных, изысканных. Королев и куртизанок, аристократок и проституток. Но что-то в этой простой медсестре, затянутой в алое платье, заставило меня дернуться от едкого адского возбуждения. Она была сексуальна, соблазнительна, обворожительна. Меня влекло к ней. А еще...мне хотелось ее сожрать. Выпить до дна, до изнанки, выгрызть саму ее суть.

Она стояла в дверях, неуверенная, смущенная, с румянцем на щеках и в то же время с прямой спиной и поднятым подбородком. Гордая в своей уязвимости. Сильная в своем страхе.

Её золотистые волосы были собраны в простую, но элегантную причёску, открывая шею — длинную, белую, с бьющейся жилкой, отсчитывающей секунды её жизни. Платье обнажало плечи и спину, подчеркивало тонкую талию и изгиб бедер. Ноги казались бесконечно длинными на высоких каблуках. Когда я разведу их в стороны и войду в нее, она обхватит ими мои бедра. Твою ж мать...только от мысли об этом у меня встал.

Но главное — её глаза. Голубые, как летнее небо, они смотрели на меня с вызовом, скрывающим страх. С любопытством, побеждающим инстинкт самосохранения.

Я подошел к ней медленно, наслаждаясь её нервозностью, её напряжением, её неуверенностью. Обошел вокруг, изучая со всех сторон, как скульптор изучает мрамор перед тем, как начать работу.

— Прекрасно, — сказал я, остановившись за её спиной. — Ты превзошла мои ожидания.

Я позволил своим пальцам скользнуть по её обнаженной спине — легко, едва касаясь кожи, вдоль позвоночника к ямочкам чуть ниже поясицы. Она вздрогнула, но не отстранилась. Или не смогла — порабощенная контрактом, запуганная необходимостью. Но я знал, что она хочет меня. Мой острый нюх улавливал запах ее возбуждения, чувствовал шорохи ее тела, то, как напрягается ее грудь, как быстрее шумит кровь по венам.

— Я вижу, Лиза передала тебе мой подарок, — я коснулся серебряного браслета на её запястье. — Он принадлежал моей матери. А до неё — многим женщинам нашего рода.

Я не сказал ей, что этот браслет был больше, чем украшением. Что рубины в глазах змеи были не просто камнями. Что серебро было не просто металлом. Это реликвия. И я никогда раньше никому ее не давал.

— Идем, — я предложил ей руку. — Ужин ждёт.

Она колебалась секунду, потом положила свою ладонь на мою. Теплая, живая, пульсирующая кровью. Я мог бы сломать её одним движением. Мог бы высосать жизнь одним укусом.

Но вместо этого я просто сжал её пальцы своими — достаточно крепко, чтобы показать силу, но не настолько, чтобы причинить боль. Пока что я не хотел ее боли.

Мы сели за стол, сервированный на двоих. Свечи, хрусталь, серебро. Всё как вчера, но с одним отличием — сегодня она была уже не гостьей, а собственностью. Моей собственностью.

— Ты читала сегодня, — сказал я, наполняя её бокал вином. — Что узнала?

Она отпила глоток, прежде чем ответить. Я видел, как вино окрасило её губы — темнее, чем платье, но светлее, чем кровь.

— Историю вашей семьи, — сказала она. — Историю поместья.

— И? — я наклонил голову, ожидая продолжения.

— И последний Амон Моннери исчез во время Первой мировой войны, — она подняла на меня взгляд. — Сто лет назад.

Я улыбнулся. Умная девочка. Внимательная.

— История иногда ошибается, — сказал я уклончиво.

— Или вы не тот, за кого себя выдаете, — парировала она.

Я рассмеялся. Её смелость была неожиданной и... освежающей. Как глоток холодной воды после долгой жажды.

— А кто я, по-твоему? — спросил я, подаваясь вперед.

Она сглотнула, но не отвела взгляд.

— Я не знаю, — сказала она тихо. — Но вы не обычный человек. Может, не человек вообще.

В её голосе не было страха — только странное смирение, принятие невозможного. Это было редкостью. Большинство людей отрицает необъяснимое до последнего, цепляясь за привычную реальность даже перед лицом очевидного.

— Что, если я скажу, что ты права? — я сделал глоток из своего бокала, наслаждаясь её реакцией. — Что, если я скажу, что я — существо из ваших ночных кошмаров? Из ваших легенд и страшных сказок?

Она молчала, не сводя с меня глаз. Я видел, как учащается её пульс, как расширяются зрачки, как мелко дрожат пальцы, сжимающие ножку бокала.

— Боишься? — спросил я мягко.

— Да, — ответила она просто. — Очень...

И в этом была вся её суть. Не отрицание страха — его признание и преодоление. Не бравада — а честность перед лицом невозможного.

— Хорошо, — я откинулся на спинку стула. — Достаточно загадок на сегодня. Ешь. Твоя еда остывает.

Ужин прошел в странно комфортном молчании. Она ела — без аппетита, но достаточно, чтобы поддержать силы. Я наблюдал, изредка отпивая из своего бокала, наслаждаясь её присутствием, её жизненной энергией, пульсирующей в воздухе.

После ужина я встал и подошел к ней. Протянул руку.

— Идем, — сказал я. — Я хочу показать тебе кое-что.

Она колебалась секунду, потом вложила свою ладонь в мою. Я повел её через анфиладу комнат, через коридоры, через галереи, пока мы не оказались перед массивной дверью из черного дерева.

— Это моя личная коллекция, — сказал я, доставая ключ. — Моя гордость. И моё... искупление.

Я открыл дверь и пропустил её вперед. Комната за ней была огромной, круглой, с куполообразным потолком, расписанным сценами творения и апокалипсиса. Вдоль стен стояли стеклянные витрины, в которых хранились... артефакты. Сотни, тысячи артефактов со всего мира, со всех эпох. Амулеты, талисманы, реликвии, священные предметы всех религий и культов, когда-либо существовавших на Земле.

— Это... музей? — спросила она, оглядываясь.

— Скорее храм, — ответил я, проводя её между витринами. — Храм человеческой веры. Человеческого страха. Человеческой надежды.

Я остановился перед центральной витриной. В ней, на подушке из черного бархата, лежал простой серебряный медальон с выгравированной на нем пентаграммой.

— Знаешь, что это? — спросил я.

Она покачала головой.

— Это ключ, — сказал я тихо. — Ключ к моему проклятию. И моему спасению.

Я повернулся к ней, внезапно оказавшись так близко, что мог чувствовать тепло её тела, видеть золотистые крапинки в её голубых глазах, слышать шелест её дыхания.

— Ты спрашивала, почему я выбрал тебя, — прошептал я. — Потому что ты — единственная, кто может помочь мне найти то, что я потерял восемь веков назад.

— Что? — её голос был едва слышен.

Я взял её лицо в ладони, заставляя смотреть мне в глаза.

— Мою душу, Мария, — сказал я. — Мою чёртову душу. Если конечно ее еще можно откопать в норах ада.

Глава 6

"Самые сильные оковы — те, что мы выковали сами: не из металла, а из запретных желаний. Мы охотно становимся пленниками собственной темноты, когда она обещает то, в чем мы себе никогда не признаемся."

Мария

Слова Амона звенели в моей голове долгие часы после того, как я вернулась в свою комнату. *"Теперь ты моя."* Я лежала без сна, глядя на игру теней от лунного света на потолке. Каждый скрип старого особняка, каждый шорох за стеной заставлял меня вздрагивать.

Браслет-змея, который он подарил, холодил запястье. Я хотела снять его, но не нашла застежки — серебро словно срослось с моей кожей, обвивая руку как живое существо.

Сон не шел. Мне казалось, что сам воздух в комнате стал гуще, тяжелее, словно кто-то наблюдал из темноты. Я чувствовала это присутствие кожей — холодное, древнее, голодное.

Я встала с постели и подошла к окну. Луна висела низко над горизонтом, заливая сад серебристым светом. Деревья отбрасывали причудливые тени, которые, казалось, двигались сами по себе. И среди них...

Я прищурилась, всматриваясь в темноту. Среди деревьев двигалась человеческая фигура — нет, две фигуры. Амон и какая-то женщина. Они шли по дорожке, его рука лежала на её талии в жесте, который мог показаться заботливым, если бы не было в нем чего-то собственного, хищного. Укол ревности был болезненным. Настолько что я чуть не вскрикнула и прижала руку к груди. Словно я хотела чтоб он вот так обнимал меня.

Я не могла разглядеть лицо женщины с такого расстояния, но по изящной фигуре и движениям было ясно, что она молода и красива. Её волосы — светлые, почти белые в лунном свете — струились по плечам.

Они остановились у фонтана — древней каменной чаши с фигурой крылатого существа наверху. Амон сказал что-то, наклонившись к уху женщины. Она запрокинула голову и рассмеялась — беззвучно для меня, но я почти физически ощущала вибрацию этого смеха в воздухе.

Потом он повернул её к себе и поцеловал — резко, властно, почти жестоко. Его руки скользнули по её телу, задирая платье, обнажая бедра. Она не сопротивлялась — наоборот, прильнула к нему, обвивая шею руками.

Я должна была отвернуться. Должна была задернуть шторы и вернуться в постель. Это было не мое дело. Но что-то — мрачное любопытство, смешанное с непрошеным, постыдным возбуждением — удерживало меня у окна.

Амон подхватил женщину и усадил на край фонтана. Она откинулась назад, опираясь на руки, подставляя лицо лунному свету. И теперь я увидела её отчетливо.

Лиза. Моя горничная. Та самая девушка с пустыми глазами, которая помогала мне одеваться, предупреждая о "выбранных" женщинах, которые исчезают.

Амон стоял между её разведенных ног, одной рукой удерживая за горло, другой растегивая брюки. Его движения были резкими, властными, как у хищника, знающего, что добыча никуда не денется. Лиза откинула голову назад, её губы были приоткрыты в безмолвном стоне. Он дернул вниз корсаж платья, и ее груди сверкнули белизной под мертвым светом луны. Даже издалека я видела, как напряжены ее соски.

Я знала, что должна отвернуться. Это было неправильно — подглядывать за чужой интимной жизнью. Но что-то внутри — темное, постыдное — заставляло меня смотреть, не отрываясь.

Амон резко вошел в неё, и даже с такого расстояния я увидела, как выгнулось её тело. Он удерживал её за горло, контролируя каждое движение, каждый вздох. Его длинные черные волосы разметались по плечам, контрастируя с её светлыми локонами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.